

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА

Д. А. Леонтьев
Е. Ю. Овчинникова
Е. И. Рассказова
А. Х. Фам

Дмитрий Леонтьев

Психология выбора

НПФ «Смысл»

2015

УДК 159.98
ББК 88.1я73

Леонтьев Д. А.

Психология выбора / Д. А. Леонтьев — НПФ «Смысл», 2015

ISBN 978-5-89357-353-4

Монография обобщает многолетние теоретические и экспериментальные исследования разных аспектов выбора, объединяемые пониманием выбора как внутренней работы, или деятельности, которая может быть более или менее зрелой, развернутой и полноценной. Психологам, философам.

УДК 159.98

ББК 88.1я73

ISBN 978-5-89357-353-4

© Леонтьев Д. А., 2015

© НПФ «Смысл», 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
1.1. Философско-этические представления о выборе	10
1.1.1. Понимание выбора в философии	10
1.1.2. Этические представления о моральном выборе	15
1.2. Теоретические подходы к выбору в психологии	19
1.2.1. Выбор как принятие рационального решения	19
1.2.2. Выбор как проявление личности	24
1.2.3. Выбор как экзистенциальное самоопределение	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Дмитрий Леонтьев, Елена Овчинникова,
Елена Рассказова, Анна Фам**
Психология выбора

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-36-01050

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-06-06034

© Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Овчинникова, Е.И. Рассказова, А.Х. Фам, 2015

© Издательство «Смысл», 2015

Введение

Мы не всегда выбираем то, что мы хотим, но всегда делаем то, что мы выбираем. Проблема выбора интересовала меня давно, и первым небезуспешным попыткам подступиться к этой проблеме уже четверть века, если считать от первого пилотажного эксперимента, представленного в разделе 3.1. На протяжении этого периода развитие теоретической концепции и ее экспериментальные обоснования шли параллельно и весьма неравномерно, поэтому разделить их – непростая задача. В главе 2 мы попытались максимально обобщенно представить теоретическую концепцию, служащую основой проведенной работы, что с одной стороны несколько искусственно, а с другой – необходимо. В каком-то смысле любая теория вынужденно представляет в виде единого среза то, что нарабатывалось за годы, неоднократно видоизменяясь на этом пути.

В конце 1980-х гг. ко мне обратилась студентка Нелли Пилипко, желавшая писать курсовую по теме выбора, к которой не было готовых подходов. В ходе планирования ее исследования был заново придуман метод анализа аргументации (лишь намного позже я наткнулся на цитированное в начале раздела 3.1 письмо Б. Франклина), ставший одновременно и исследовательским, и формирующим. Тогда же возникла идея о том, что выбор представляет собой внутреннюю деятельность, а также была выработана классификация трех видов выбора. Успешно проведенные констатирующие и развивающие эксперименты показали, во-первых, что по количеству и качеству аргументов можно судить о степени полноценности и зрелости выбора, во-вторых, что выстраивание единого пространства аргументации представляет собой если не главную, то весьма важную сторону деятельности выбора и, в-третьих, что навыкам этой деятельности можно успешно обучать. Дипломная работа на жизненном, даже животрепещущем материале выбора тем курсовых работ студентами III курса получилась очень интересной и через некоторое время была опубликована в ведущем журнале. Несколько лет спустя эти идеи получили развитие в столь же оригинальном дипломном исследовании Е.В. Шелобановой на материале профориентационного выбора школьников (см. раздел 7.2). В нем непосредственным предметом анализа и объектом формирующих воздействий стала работа по конструированию возможных будущих как последствий того или иного выбора. В этих двух исследованиях, которые были опубликованы и привлекли внимание коллег, были заложены главные идеи, касающиеся понимания выбора как деятельности. Вместе с тем сложность и «штучность» исследований в этой области долгое время не позволяли развернуть исследования широким фронтом.

Только в последнее десятилетие, когда сформировалась целая группа заинтересованных в этой проблематике молодых ученых, а сама проблема выбора нашла место в концепции личностного потенциала, удалось придать этим исследованиям новый импульс. В диссертационном исследовании Е.Ю. Мандриковой (2006) удалось, развивая метод анализа аргументации, экспериментально валидизировать теоретическую идею С. Мадди о существовании двух стратегий выбора – выбора неизменности и выбора неизвестности (раздел 4.2). Идея стратегий получила дальнейшее развитие и апробацию на разном материале в исследованиях Е.И. Расказовой (разделы 4.3, 4.4). Помимо этого эмпирические результаты отчетливо указали на существование двух дискретных типов выбора, один из которых (личностный, или автономный, выбор) полностью соответствует теоретической модели внутренней деятельности, а второй (спонтанный, или безличный, выбор) представляет собой его редуцированный, неполноценный вариант. В этом же исследовании возник замысел методики для оценки субъективного качества выбора, которая в последующие год-два была доведена до рабочего варианта (Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007; см. раздел 3.2, в который включены последние данные по структурному моделированию, полученные при участии Е.Н. Осина). Эта методика способствовала окончательному оформлению ключевой идеи о том, что то, как субъект выбирает, важнее, чем

то, что он выбирает. В свою очередь, из этой идеи родилось положение о субъективном конструировании выбора. Благодаря этой методике в дипломной работе А.Х. Фам было проведено исследование, где два упомянутых типа выбора выделились весьма отчетливо, и одновременно было получено немало данных о личностных переменных, коррелирующих с одним и с другим типом выбора (см. раздел 5.3).

Тогда же стало оформляться представление о готовности к выбору – специфической личностной компетенции, опирающейся на определенные характеристики личности. Эта идея получила проверку и апробацию в исследовании прикладной ориентации, посвященном вопросам внедрения профилирования образования в старших классах школы. Оно было выполнено при поддержке Федеральной целевой программы развития образования в 2008 г. с участием Г.В. Иванченко, Е.Ю. Мандриковой и Е.И. Рассказовой (см. раздел 7.1). Параллельно Г.В. Иванченко при участии Е.Н. Осина было выполнено исследование профессионального самоопределения выпускников вузов (раздел 7.3).

Последние по времени из описанных в книге исследований составили содержание диссертационного исследования А.Х. Фам (2015; см. главу 6). Они были основаны на идее сравнения разных по своему масштабу, или уровню, ситуаций выбора, которые мы условно обозначили как «судьбоносный» и «повседневный» выбор (в ряде случаев выделялся также промежуточный вариант). Как мы и ожидали, «судьбоносные» выборы отличались по своим характеристикам от «повседневных». В частности, они оказались почти не связаны с устойчивыми личностными переменными, что хорошо согласуется с представлениями о выборе в экзистенциальной философии и психологии. Были выполнены также несколько исследований Н.В. Рассказовой, развивавших и углублявших более ранние исследования (разделы 4.3, 4.4, 5.1, 5.2).

Процессы выбора заняли существенное место в концепции личностного потенциала (Леонтьев Д.А., 2006б, 2011б, в), ставшей своеобразным развитием «модели Рубикона» Х. Хекхаузена, Ю. Куля и П. Голвитцера. В концепции личностного потенциала, который понимается как потенциал саморегуляции, то есть системная организация личности, отвечающая за успешную саморегуляцию в различных сферах жизнедеятельности, выделяются три пересекающихся, но не совпадающих подсистемы: потенциал достижения, потенциал самоопределения и потенциал сохранения. Потенциал самоопределения характеризует способность личности успешно ориентироваться в промежутке между достижением одной цели (или отказом от нее) и постановкой новой цели. По сути, именно готовность к выбору оказывается интегральной характеристикой этой подсистемы личностного потенциала.

Заметная часть этих исследований была сведена вместе в большой статье авторов данной книги (Леонтьев, Мандрикова, Рассказова, Фам, 2011). Данная книга, по сути, представляет собой ее сильно расширенную (в 10 раз) версию. Она охватывает длительный период, хотя основное ее содержание описывает исследования самых последних лет. Задача ее – опираясь на имеющиеся теоретические подходы к проблеме выбора и экспериментальные исследования в этой области, построить теоретическую модель, способную интегрировать и дифференцировать различные разновидности выбора, как простые, так и сложные, как рациональные, так и иррациональные (квинтэссенция этой модели содержится в статьях: Леонтьев, 2014а, б), а также эмпирически апробировать эту модель, раскрыв ее возможности. Книгу стоит рассматривать как промежуточный, но, конечно же, не окончательный итог. Она представляет разрозненные до этой поры исследования как новый целостный, теоретически, методически и эмпирически обоснованный подход к проблеме выбора, главные плоды которого, думается, еще впереди.

Разделить вклад соавторов можно лишь условно, поскольку все содержание книги являлось продуктом регулярных обсуждений в общем идейно-концептуальном поле. Д.А. Леонтьев был автором или соавтором всех глав и разделов, за исключением 3.3, 4.3, 4.4, 5.1, 5.2; Е.Ю.

Овчинникова (Мандрикова) участвовала в написании главы 1, разделов 3.2, 4.2, 7.1; Е.И. Расказова была автором или соавтором разделов 2.3, 4.3, 4.4, 5.1, 5.2, 7.1; А.Х. Фам – главы 1, разделов 3.2, 3.3, 5.3, главы 6. Круг авторов не ограничивается четырьмя фамилиями, стоящими на обложке; кроме них, соавторами отдельных разделов книги выступили Г.В. Иванченко (7.1.1, 7.3), Е.Н. Осин (3.2.3, 6.2, 7.3), Н.В. Пилипко (3.1), Е.В. Шелобанова (7.2).

Я благодарен не только соавторам этого многолетнего проекта, но и многочисленным студентам разных лет, труды которых, не всегда приводя к отчетливым результатам, поддерживали то движение, которое привело к написанию данной книги. И хотя она является не первым продуктом нашего сформировавшегося за последние 10–12 лет научного коллектива, но первым масштабным итоговым трудом созданной в 2014 г. на его основе Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ. К этой книге в той или иной степени причастны все сотрудники лаборатории, которым авторы выражают искреннюю благодарность.

Проблема выбора становится особенно актуальной в трудные времена, времена нестабильности и непредсказуемости. Книги вряд ли в этих случаях могут помочь, однако мы не перестаем учиться выбирать и призываем быть внимательными к тому, что и как мы выбираем в нашей жизни.

Д.А. Леонтьев

Глава 1

Подходы к пониманию и исследованию выбора в психологии и науках о человеке

В психологии и философии проблема выбора в последнее время становится все более и более актуальной, хотя исследования на эту тему пока лишены системности, ключевые понятия не устоялись, а ключевые определения продолжают обсуждаться.

Психологические работы, посвященные непосредственно проблеме выбора, довольно немногочисленны, особенно если сравнивать с количеством работ по принятию решения. Большинство работ по принятию решения базируются на имплицитном допущении, что это то же, что и выбор, только терминологически это более строгое, корректное, научно операционализируемое понятие (например: *Корнилова, 2003*), в то время как слово «выбор» нагружено философскими и обыденными коннотациями.

Практически единственной общепризнанной характеристикой выбора, на которую указывают разные авторы, является то, что он выступает средством разрешения неопределенности (например: *Наумова, 1988*). Один из ведущих социологов современности Н. Луман, опирающийся на понятие принятия решения, считает упрощение, редукцию сложности характерной чертой, а неопределенность будущего единственной инвариантой процессов принятия решения (*Луман, 1994; Luhmann, 2004, S. 31, 45*). Совершение выбора приводит к сокращению пространства альтернатив до одной реализуемой, к уменьшению степеней свободы. Неопределенность же означает, что в точке выбора действия не предопределены однозначно. То же, что мы обычно считаем единственным, само собой разумеющимся и безальтернативным способом действия, крайне редко является таковым на самом деле.

В остальном же наблюдаются существенные расхождения в самих базовых пониманиях и определениях выбора. Можно выделить следующие основные направления в подходах к проблеме выбора:

- выбор как сущностное свойство человека (в контексте философской антропологии);
- выбор как осознанное нравственное самоопределение в пространстве этических дилемм (в контексте этики);
- выбор как принятие рационального решения (в контексте когнитивной психологии);
- выбор как проявление личностных особенностей, мотивации и уровня развития (в контексте философской антропологии и психологии личности);
- выбор как экзистенциальный акт, смысл которого заключается не столько в принятом решении, сколько в самом процессе выбора и позиции, занимаемой субъектом в этом процессе (в контексте экзистенциальной философии и психологии).

Наряду с этими направлениями отдельное внимание в обзоре мы уделим многомерным моделям выбора, охватывающим многие аспекты этого явления и предполагающим его эмпирическую операционализацию.

1.1. Философско-этические представления о выборе

Изучение проблемы выбора в психологии восходит корнями к древнегреческим мыслителям, христианским идеологам и философам более позднего времени, рассматривавшим выбор преимущественно в контексте свободы воли, а также разрешения человеком нравственных конфликтов и моральных дилемм.

1.1.1. Понимание выбора в философии

Постановку проблемы выбора можно найти уже у Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). По его мнению, выбор «самым тесным образом связан с добродетелью и еще в большей мере, чем поступки, позволяет судить о нравах» (*Аристотель*, 1984, с. 99). При этом он относит свои суждения только к сознательному выбору (*pro heneron haireton*), подчеркивая, что это понятие уже, чем понятие произвольного, относит выбор к тому, что «зависит от нас», и критикует взгляды тех, кто связывает выбор с влечением, желанием или индивидуальным мнением. «Влечение противоположно сознательному выбору <...> Влечение связано с удовольствием и страданием, а сознательный выбор ни к тому, ни к другому отношения не имеет» (*там же*, с. 100).

Интересно разведение у Аристотеля выбора и мнения: «Каковы мы, зависит от того, благо или зло мы выбираем, а не от того, какие у нас мнения» (*там же*). Тем самым выбор отчетливо связывается у него в «Никомаховой этике» с практическим поведенческим воплощением, однако предстает как сложно опосредованный, а не импульсивный процесс. «Делают наилучший выбор и составляют наилучшее мнение, по-видимому, не одни и те же люди, но некоторые довольно хорошо составляют мнение, однако из-за порочности избирают не то, что должно» (*там же*, с. 101).

Аристотель подробно останавливается на связи между выбором и принятием решения. Предположив эту связь, он развивает мысль далее, замечая, что решения мы принимаем только по поводу того, что зависит от нас. «Решения бывают о том, что происходит, как правило, определенным образом, но чей исход не ясен и в чем заключена неопределенность» (*там же*, с. 102). Показывая, что решения относятся не к целям, а к средствам, Аристотель в завершение анализа определяет сознательный выбор как «способное принимать решения стремление к зависящему от нас» (*там же*, с. 103). Понятие решения у Аристотеля практически синонимично понятию выбора и противопоставляется понятию мнения; характерно, что в современной когнитивной парадигме принятие решения оказывается ближе к понятию мнения; в его определение уже не входит связь с личной причинностью и с деятельной реализацией, подчеркивавшаяся Аристотелем. Неразрывную связь, выражаясь современным языком, когнитивной и экзистенциальной сторон выбора Аристотель формулирует так: «Как без рассудительности, так и без добродетели сознательный выбор не будет правильным, ибо вторая создает цель, а первая позволяет совершать поступки, ведущие к цели» (*там же*, с. 190).

В «Евдемовой этике» Аристотель высказывает похожие мысли несколько иными словами. Важно, в частности, его утверждение о том, что «выбор не бывает истинным и ложным, так же как и мнение о вещах, которые мы должны осуществить, когда мы раздумываем, должно ли делать или не делать что-либо» (*Аристотель*, 2005, с. 65).

Таким образом, Аристотель недвусмысленно связывает выбор с сознательностью и рассудительностью, но подчиняет когнитивную составляющую этико-мотивационной; именно с этой последней, а не с формированием мнения, он соотносит «качество» выбора. Принятие решения у Аристотеля практически совпадает с выбором, в отличие от мнения. Наконец, Аристотель последовательно связывает выбор с активной деятельной способностью к совершению поступка и с контролем над действием, то есть с тем, что сегодня называется «субъ-

ектность» (см.: *Леонтьев Д.А.*, 2010). Сознательный выбор – это «мнение совместно со стремлением, когда после обсуждения они объединяются в поступке» (*Аристотель*, 2005, с. 69).

Он придавал большое значение условиям и цели поступка, отмечая: «Если цель – это предмет желанья, а средства к цели – предмет принимаемого решения и сознательного выбора, то поступки, связанные со средствами, будут сознательно избранными и произвольными» (*Аристотель*, 1984, с. 104). По мнению Аристотеля, источник поступков находится в самом человеке (за исключением тех случаев, когда они совершаются подневольно либо по неведению); следовательно, от него же зависит, совершать их или нет. Отличие сознательного выбора от влечения (яростного порыва) заключается в его «воздержанности», отсутствии связи с удовольствием и страданием. В отличие от желанья, сознательному выбору подлежит лишь то, что человек считает от себя зависящим (а не вечное, не изменчивое и не случайное). Сознательный выбор всегда касается того, о чем человек имеет представление как о благе, но он может быть как порочным, так и добродетельным, и в последнем случае его хвалят за верность (в отличие от мнения, которое хвалят за истинность).

На протяжении последующих двух тысячелетий проблема выбора ушла из сферы философского анализа, и даже к обсуждению общих вопросов свободы воли философы вернулись лишь в XVIII–XIX столетиях. Проблему собственно выбора затрагивал И. Кант (*Кант*, 1965), который пытался найти точки соприкосновения детерминированности человеческого поведения, с одной стороны, и возможности свободного выбора им своих поступков, с другой. Позднее последователь И. Канта философ В. Виндельбандт (*Виндельбандт*, 1905) рассматривал несколько оснований выбора: случайные или постоянные мотивы, когниции и реальные чувства или воображения и «представляемые чувства». По его мнению, выбор можно рассматривать как свободный акт, только если он опирается на постоянные мотивы, отражающие существенные характеристики конкретного человека, а не на ситуативные, случайные мотивы.

Первый детальный анализ проблемы выбора в науках о человеке в Новое время был сделан более полутора столетий тому назад Сереном Кьеркегором в одной из его главных книг «Или – или», которая на русском языке издавалась под названием «Наслаждение и долг» (*Кьеркегор*, 1994). За прошедшее с тех пор время о выборе было написано очень мало того, что можно поставить рядом с этим глубоким и блестящим анализом. Характерно, что в нем на передний план выступает иррациональный характер выбора, его несводимость к процессам оценки и взвешивания альтернатив. Кьеркегор задает экзистенциальный ракурс подхода к проблеме выбора не как к отдельному психическому акту или рациональному решению, а как к ситуации, в которую оказывается неминуемо вовлечена личность в целом. Выбор или уход от него имеют последствия для всей жизни человека и для его *Я*, существенно выходящие за рамки того порой частного вопроса, который является предметом решения. «Выбор сам по себе имеет решающее значение для внутреннего содержания личности: делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же она не выбирает, то чахнет и гибнет» (*там же*, с. 234). Смысл выбора, таким образом, оказывается заметно шире самой ситуации выбора; он не только в сути ответа на вопрос, в принимаемом по конкретному поводу решении, но и в том, как именно личность включается в нахождение ответа, каким путем этот ответ получен.

«Выбираемое находится в самой тесной связи с выбирающим, – говорит далее Кьеркегор, – и в то самое время, когда перед человеком стоит жизненная дилемма: *или – или*, самая жизнь продолжает ведь увлекать его по своему течению, так что чем более он будет медлить с решением вопроса о выборе, тем труднее и сложнее становится этот последний, несмотря на неустанную деятельность мышления, посредством которого человек надеется яснее и определеннее разграничить понятия, разделенные “или – или” <...> Внутреннее движение личности не оставляет времени на эксперименты мысли» (*там же*, с. 235). Здесь Кьеркегор подчеркивает, что мы решаем проблему выбора не как интеллектуальную задачу, мы вовлечены в поток, который несет нас по своим законам, и именно выбор является залогом возможности сойти с

этой траектории. И если человек «забудет принять в расчет обычный ход жизни, то наступит наконец минута, когда более и речи быть не может о выборе, не потому, что последний сделан, а потому, что пропущен момент для него, иначе говоря – за человека выбрала сама жизнь, и он потерял себя самого, свое “я”» (*там же*).

Кьеркегор подчеркивает динамичность выбора. Минута выбора очень важна, говорит он, потому что «в следующую минуту я буду уже не так свободен выбирать, поскольку успею уже пережить кое-что, и это-то пережитое затормозит мне обратный путь к точке выбора. Если кто думает, что можно хоть на мгновение отрешиться от своей личности или возможно действительно приостановить жизнедеятельность личности, тот жестоко ошибается. Личность склоняется в ту или другую сторону еще раньше, чем выбор совершился фактически, и если человек откладывает его, выбор этот делается сам собою, помимо воли и сознания человека, под влиянием темных сил человеческой природы» (*там же*, с. 236). В другой своей работе «Страх и трепет» (Кьеркегор, 1993) С. Кьеркегор отмечал, что каждое решение, принимаемое человеком, может вести его в будущее или удерживать в прошлом; таким образом, человек свободен в выборе направления своего выбора.

Кьеркегор различает два вида выбора, которые он связывает с двумя описанными им типами личности: эстетическим и этическим. В первом случае это непосредственный выбор на основе вкусов и предпочтений в духе пословицы «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Сам выбор обусловлен особенностями сравниваемых альтернатив, и потому сравнительно предсказуем, и вместе с тем ситуативен, и легко может смениться другим. «Так, если молодая девушка следует выбору сердца, то, как бы ни был прекрасен этот выбор, его нельзя назвать истинным выбором: он совершается непосредственно» (*там же*, с. 239). В этическом выборе сам акт выбора, его качество имеет решающее значение: важно не столько то, что выбирается, сколько то, как. В нем «личность проявляет всю свою силу и укрепляет свою индивидуальность, и, в случае неправильного выбора, эта же самая энергия поможет ей прийти к осознанию своей ошибки» (*там же*). Человеку свойственно ошибаться, мы ошибаемся и исправляем наши ошибки. Но исправить наши ошибки мы можем только в том случае, если мы признаем ответственность за наш выбор.

Само состояние подлинного (этического) выбора является благотворным для человека вне зависимости от того, что именно выбрано. «Эту минуту можно сравнить с торжественной минутой посвящения оруженосца в рыцари – душа человека как бы получает удар свыше, облагораживается и делается достойной вечности. И удар этот не изменяет человека, не превращает его в другое существо, но лишь пробуждает и конденсирует его сознание, и этим заставляет человека стать самим собой» (Кьеркегор, 1994, с. 252). Человек становится сам собой, осознавая себя как выбирающего. Через пробуждение сознания в акте выбора он пробуждается, «собирает себя» (Мамардашвили, 1997). Таким образом, для Кьеркегора выбор – это не техническая операция, служащая решению ситуативной задачи, а то, что обладает высочайшей ценностью само по себе. «Решишь только на выбор, и ты сам увидишь, – говорит Кьеркегор, – что это единственное средство сделать жизнь действительно прекрасной, единственное средство спасти себя и свою душу, обрести весь мир и пользоваться его благами без злоупотребления» (Кьеркегор, 1994, с. 253). Речь, конечно, идет именно об этическом выборе, основание которого в свободном решении личности, но не о непосредственном, эстетическом выборе. «Непосредственность, как цепь, привязывала человека ко всему земному, теперь же дух стремится уяснить себя самого и извлечь человеческую личность из этой зависимости, чтобы она могла познать себя в своем вечном значении» (*там же*, с. 266).

Разрыв этой зависимости Кьеркегор прямо связывает с принятием ответственности за себя и выбором себя самого, который перерождает человека. «Выбор сделан, и человек обрел себя самого, овладел самим собою, то есть стал свободной сознательной личностью, которой и открывается абсолютное различие – или познание – добра и зла. Пока человек не выбрал себя

самого, различие это скрыто от него» (*там же*, с. 305–306). Эстетик, по Кьеркегору, сам себя не выбирает: «Пока человек живет исключительно эстетической жизнью, вся его личность – плод случайности» (*там же*, с. 339), а его жизненной задачей становится «культивирование своей случайной индивидуальности во всей ее парадоксальности и неправильности» (*там же*, с. 340). Жизненной же задачей этика «становится он сам: он стремится к облагороживанию, урегулированию, образованию, всестороннему развитию своего “я”, иначе говоря – к равновесию и гармонии души, являющейся плодом личного самоусовершенствования. Жизненной целью такого человека становится также он сам, его собственное “я”, но не произвольное или случайное, а определенное, обуславливаемое его собственным выбором, сделавшим его жизненной задачей – его самого во всей его конкретности» (*там же*, с. 341).

Интересную трактовку этой мысли предлагает Ш. Иенгар, констатируя, что мы находим себя в эволюции процесса выбора, а не просто его результатов (*Iyengar*, 2010, р. 110). «Можно сказать, что мы стремимся прийти в состояние гомеостаза с помощью петли обратной связи между идентичностью и выбором: Если я таков, то я должен выбрать это; если я выбираю это, то я, по-видимому, таков» (*Ibid.*, р. 109). Т.В. Корнилова с соавторами также в согласии с этим констатируют, что в актах выбора человек ориентируется не только на предвосхищения исходов в развитии ситуации, но и на то, кем он станет в результате своего выбора (*Корнилова, Чумакова, Корнилов, Новикова*, 2010, с. 12), однако подробнее эту мысль не развивают.

В художественной литературе и кино предложено немало убедительных иллюстраций того, как сделанный в критической ситуации выбор трансформирует личность в целом. В их числе «Фауст» И. Гете, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, фильм В. Аллена «Мечты Кассандры».

Французский философ-интуитивист А. Бергсон рассматривал выбор как проявление свободы воли человека, личностный, волевой поступок, совершаемый в плоскости сознания, но детерминируемый тем, что лежит вне этой плоскости: «Подлинная ситуация выбора, в которой сошлись несколько жизненно существенных альтернатив, принципиально неподвластна рассудочному вычислению и вообще принципиально неразрешима в той самой горизонтальной плоскости жизни, где она возникла и проявилась. Для осуществления выбора необходим переход сознания в другое измерение, в другую – вертикальную – плоскость» (*Бергсон*, 1992, с. 303). Согласно Бергсону, осознание своего намерения и последствий поступка меняет саму личность, в результате чего альтернативы, из которых приходится выбирать субъекту, являются по определению неравноправными из-за движения сознания вперед по временной оси. По А. Бергсону, выбор, воплощающий в себе акт принятия решения, личностный поступок и свободу воли, обусловлен всем предшествующим жизненным путем личности и личностным развитием. Совершение личностного, свободного выбора становится возможным лишь благодаря тому, что его предопределяет весь предшествующий выбору жизненный путь человека, накопленный им в процессе развития опыт.

Ключевое место понятие выбора занимает в работах экзистенциальных философов XIX–XX вв., рассматривающих этот феномен в аспекте свободы – детерминированности человеческих поступков, риска, неопределенности и ответственности личности за собственную жизнь. Несмотря на неоднородность этого направления и зачастую противоречивость позиций разных авторов, можно выделить общий вектор рассмотрения проблемы выбора: отсутствие предзаданности природы человека («существование предшествует сущности»); формирование человеком самого себя и трагичность, необратимость этого процесса.

В трудах К.Т. Ясперса проблема выбора выступает одновременно как философская проблема, вопрос веры и одна из ключевых проблем психотерапии. Согласно его учению, для осуществления подлинного выбора (выбора в себе «образа божьего») необходимо обратиться к религиозной или философской вере. Полемизируя со сторонниками психоанализа, автор подчеркивал роль свободного, экзистенциального выбора пришедшего на психотерапию человека:

«При всех советах пациенту, стремлении помочь ему взглянуть на его реальную ситуацию, на его личностный мир и на самого себя, важнейшим остается решительное Да или Нет пациента» (цит. по: *Руткевич*, 1997, с. 29); задача психотерапевта – лишь подвести пациента в процессе общения к мысли о необходимости такого выбора.

М. Хайдеггер определял выбор как универсальную структуру фактического экзистирования, осуществляемого в условиях неопределенности, в открытой и многомерной перспективе понимания собственной фактичности и проектирования собственного будущего. Фундаментальным выбором вот-бытия, к которому, в конечном итоге, сводится всякий бытийный акт, является выбор человека между возможностями быть подлинно и неподлинно, между «самостью» и «безликостью» (*Хайдеггер*, 1993). Согласно Хайдеггеру, со-существование с Другим является неотчуждаемым моментом индивидуации вот-бытия, поскольку внутреннее напряжение фундаментального выбора вот-бытия осуществляется в форме «внешнего» конфликта его самобытия и его неподлинной «подчиненности», конфликта собственных и чужеродных бытийных возможностей (*Борисов*, 1997).

По Ж.-П. Сартру (1989, 2004), человек – это «существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее» (*Сартр*, 1989, с. 323), а личностный выбор – это творение себя, воплощение в жизнь проекта самого себя, который переживается субъективно как преодоление внешних препятствий через обретение «смысла в выборе» (*Сартр*, 2004, с. 498). С каждым выбором человек выбирает не только себя, но и человека вообще, признавая за тем или иным выбором ценность. При этом накопление выборов образует так называемый фундаментальный проект (*Сартр*, 2004), задающий общую направленность целей в жизни. Фундаментальный экзистенциальный выбор человека – это выбор своего жизненного проекта, выбор себя, сопряженный с проявлением экзистенциальной ответственности (ответственности за человечество в целом), принятием неопределенности и переживанием тревоги: «Если я услышу голос, то только мне решать, является ли он гласом ангела» (*Сартр*, 1989, с. 325).

Поскольку предзаданность существования человека отсутствует, человек «осужден быть свободным», осужден всякий раз «изобретать человека»: нет ограничений, но нет и оправданий. Будучи свободным, человек осуществляя проект самого себя, совершает множество выборов и представляет собой «совокупность своих поступков» (*там же*, с. 333), не имея оправданий и внешних опор. Единственное, что человек не властен делать, так это избежать выбора: «Выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбирать <...> даже в том случае, если ничего не выбираю, тем самым я все-таки выбираю» (*там же*, с. 338). Согласно Сартру, каждая человеческая жизнь представляет собой цепочку различных «маленьких жизней», отрезков бытия, связанных определенными экзистенциальными решениями – «узлами». Мир не имеет смысла и Я не имеет цели, но через акт сознания и выбора Я, занятие позиции человек может придать миру значение и ценность: «Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем» (*там же*).

Н.А. Бердяев рассматривал проблему выбора в контексте свободы и веры. Согласно автору, свобода – это «не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Само состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем» (*Бердяев*, 1990, с. 53). Веру Бердяев определял как акт свободы, свободного избрания; отличие знания от веры он видел в том, что знание принудительно и гарантировано, безопасно, оно не оставляет свободы выбора и не нуждается в ней (*Бердяев*, эл. ресурс, гл. 6).

В трудах Н. Аббаньяно выбор предстает как решение человека быть или не быть в соответствии со своей изначальной проблематичностью. Человек может выбрать позицию по отношению к жизни и миру: быть или не быть свободным; выявлять инструментальную полезность вещей и направлять свою чувственность на внешние цели или возвратиться к природе; выбрать

между расслабленностью, нечувствительностью к призыву и, напротив, вовлеченностью, принятием собственного предназначения и верностью ему. Выбор для Аббаньяно – это всегда экзистенциальный акт, включающий в себя неопределенность и риск; соединение будущей ситуации и прошлого в решении настоящего. Временный аспект выбора заключается в том, что каждое конкретное решение никогда не может быть решением, принятым раз и навсегда: оно должно обновляться; человеку нужно решиться на судьбу в силу конечности своего существования, прикрепиться к Бытию, которое находится за пределами этой временности. Ценностный смысл выбора содержится в том, что мы решаем для себя то, что нам важно решать; выбор же, не поддерживаемый верой в ценность выбираемого, невозможен, поскольку является отказом от выбора. Философ выделяет две составляющие в субстанции бытия человека: «субстанцию в себе» (чистую изначальную проблематичность, в которой выбор отсутствует, но которая влечет и подталкивает человека к решению задачи в мире) и субстанцию человека, которая обнаруживается через выбор решения, позиции. Структура экзистенции – это призыв к решению, движение, но не само решение. Решение решать не имеет оттенка предопределенности и находится в руках человека – «человека выбирающего» (Аббаньяно, 1996).

Понятие выбора также находит свое отражение в трудах М. де Унамуно, рассматривающего его как способ достижения духовного бессмертия в ситуации конечности человека и бесконечности мира (см.: Зыкова, 1997), М. Бубера, говорящего о существовании экзистенциальной дилеммы, возможности выбора человеком одного из модусов бытия – «Я-Ты» или «Я-Оно» (см.: Гуревич, 1992; Лифинцева, 1997; Бубер, 1999), и А. Камю, указывающего на стоящий перед человеком выбор между универсумом священного и универсумом бунта (Камю, 1999).

Взгляды крупнейших экзистенциальных философов на проблему выбора легли в основу современных экзистенциальнопсихологических концепций и внесли значительный вклад в понимание механизмов выбора, его индивидуально-личностных предпосылок и феноменологических аспектов.

1.1.2. Этические представления о моральном выборе

Согласно определению, в ситуации морального выбора «человек, проявляя свою автономию, самоопределяется в отношении системы ценностей (идеала, принципов) и способов их реализации в линии поведения или отдельных поступках» (Словарь по этике, 1989, с. 48). В самом общем виде, моральным выбор можно назвать в том случае, если существуют реальные альтернативы разрешения ситуации, выбор является свободным (то есть не подверженным внешним влияниям), ответственным, осознанным, а ситуация выбора трактуется как этически неоднозначная (Белкина, 2003) и сопряженная с сопоставлением личностных ценностей (Чигринова, 2010). В ситуации морального выбора человек берет на себя ответственность (моральную) не только за выбор направления, соотносимого с нравственными убеждениями, но и за реализацию выбора и за его последствия.

Достаточно очевидно, что далеко не каждая ситуация выбора приобретает характер морального выбора и предполагает моральную ответственность, так как «далеко не все наши действия и поступки подлежат моральной или правовой оценке, но лишь те, которые так или иначе затрагивают интересы другого (или других)» (Введение в биоэтику, 1998, с. 28). Здесь снова следует упомянуть «категорический императив» И. Канта (Кант, 1965, с. 499), перекликающийся с современными представлениями о ситуациях морального выбора.

Проблема морального выбора активно разрабатывается в рамках этики (Стребков, 1972; Николаичев, 1974; Бахитановский, 1983; Гусейнов, 2002; и др.) преимущественно в аспекте моральных поступков и выбора ориентиров для разрешения этических дилемм. Данная проблема затрагивается рядом авторов в контексте исследования морального и этического развития детей (Kohlberg, 1969; Субботский, 1975, 1983; Якобсон, 1983; и др.), совести и ее соотно-

шения с другими механизмами регуляции морального поведения (*Снайдер, Снайдер, Снайдер, 1994; Лефевр, 2003а; Циновская, 2004; Лэнгле, 2004, 2005*), роли эмоций в разрешении этических дилемм (*Haidt, 2001; Greene, Morelli, Lowenberg et al., 2003*), понимания правды (*Знаков, 1993а, б*) и обмана (*Ariely, 2008*), разрешения нравственных конфликтов личности (*Колпакова, 1999*), а также применительно к конкретным этическим проблемам: эвтаназии (*Белкина, 2003; Знаков, 2005*), суицида (*Тихоненко, 1992; Леонтьев Д.А., 2008*), силового принуждения в деятельности силовых ведомств и спецслужб (*Колотуша, 2008*), помещения умирающих в хоспис (*Greipp, 1996*).

Тем не менее, несмотря на безусловную важность изучения морально-нравственного аспекта выбора, эмпирические исследования в этой области довольно немногочисленны, а теоретические подходы, как правило, трудны для операционализации.

Моральный выбор (или выбор конкретного поступка как реализация моральной ориентации) детально рассматривается отечественным исследователем Б.О. Николаичевым (1974), выделяющим два уровня нравственного выбора по степени его конкретности. Николаичев различает выбор общих моральных ориентаций (выбор «стратегии» поведения) и выбор конкретных поступков на их основе (выбор «тактики» поведения), называя их «теоретическим» и «практическим» моральным сознанием соответственно. Таким образом, на первый план выходит проблема выбора средств для достижения моральной цели, что, согласно автору, происходит по двум основным критериям: по соответствию средств цели а) в нравственном и б) в операциональном отношении. Одним из ключевых понятий в данной теории является понятие «моральной ответственности», означающее, что, помимо правильного выбора моральных ориентаций, важен учет возможных последствий своих поступков, причем «под объективной возможностью предвидеть результаты действий следует иметь в виду не только фактические возможности субъекта, но и потенциально-должные» (*там же, с. 54*).

В.И. Бакштановский понимает моральный выбор как «ключевой акт нравственной деятельности» (*Бакштановский, 1983, с. 16*), определяя условием для его реализации осознание двух «рубиконов» морального выбора: ценностного (выбор цели) и операционного (выбор средств). Он характеризует моральный выбор как целеустремленный и целесообразный акт. По его мнению, ситуация морального выбора возникает «при необходимости предпочтения *варианта поступка* во всех его составляющих» (*там же, с. 38*). При этом он рассматривает структуру поступка в русле деятельности его трактовки. Субъектом морального выбора, согласно Бакштановскому, является субъект ответственности и активности, что схоже со взглядами Д.А. Леонтьева (2005) относительно свободного выбора и самодетерминации.

Ю.А. Шрейдер положил понятие ситуации морального выбора в основу своего курса по этике (наряду с этической системой и этическими принципами). По его мнению, моральный выбор проявляется в том, что «человеку приходится решать, не противоречат ли какие-то притязательные для него ценности каким-то не вполне осознаваемым интересам сохранения и развития собственной личности» (*Шрейдер, 1998, с. 16–17*). Автор дает следующие характеристики ситуации морального выбора:

- внутреннее ощущение, что поступить следует вопреки тому, как хочется;
- дискомфортное состояние, требующее усилий воли;
- отсутствие опоры на ситуативные обстоятельства и мнение окружающих;
- отказ от собственных притязаний ради сохранения морального достоинства;
- неотложность и непланируемость ситуации морального выбора (*там же, с. 18–19*).

Он говорил о том, что «моральный выбор – это не планирование отдаленного будущего и не теоретическая прикидка того, как следует поступить в некоторых возможных обстоятельствах» (*там же, с. 19*). В ситуации морального выбора «субъект оказывается вынужденным определить свои предпочтения между альтернативными действиями в условиях, когда наиболее привлекательные для него альтернативы вступают в противоречие с абсолютным бла-

гом» (*там же*, с. 26). По Ю.А. Шрейдеру, поступок является действием, которое человек совершает в результате сознательного предпочтения одной из возможностей, ему предоставляющихся, то есть поступок является итогом выбора, где ориентиром выступает благо как некоторая ценность. Считая разум и свободную волю предпосылками морального выбора, Ю.А. Шрейдер наделяет человека ответственностью за свой поступок.

С.В. Борисов (2004) выделяет следующие характеристики морального выбора: жертвование полезным и приятным, усилия воли и разума, определяющее значение внутреннего мира в противовес внешнему общественному мнению. Он также указывает, что эти характеристики применимы к моральному выбору как в глобальных ситуациях нравственного конфликта, так и в повседневных ситуациях выбора, в которых человек руководствуется внутренними нравственными критериями.

Оригинальную и крайне эвристичную модель свободного выбора, перекликающуюся с экзистенциальными взглядами С. Кьеркегора, предложил В.А. Лефевр в своей известной работе «Алгебра совести», первоначально вышедшей в 1982 г. (*Лефевр, 2003а*). Эта модель получила развитие в его более поздних работах (*Лефевр, 2003б*). Предметом анализа здесь выступает свободный выбор, который субъект может делать при определенных условиях. В качестве одной из априорных предпосылок своего подхода Лефевр формулирует принцип, очень близкий выводам С. Кьеркегора, а именно: «Живое существо стремится генерировать такую линию поведения, при которой устанавливается и сохраняется отношение подобия между ним и его моделью себя» (*Лефевр, 2003а*, с. 29). Этот принцип, который Лефевр называет принципом саморефлексии, он прямо противопоставляет более общепринятому принципу рациональности, предполагающему, что субъект стремится вести себя так, чтобы получить как можно больше или потерять как можно меньше ценного для него продукта. Введение принципа саморефлексии помогает понять некоторые ситуации нравственного вызова, про которые говорят как про ситуации, в которых нет выбора. Действительно, только одна альтернатива в таких ситуациях позволяет субъекту сохранить свой образ себя, самоуважение или даже повысить его, в то время как возможное альтернативное поведение приведет к его утрате, что неизмеримо в понятиях утилитарной рациональности – просто субъект станет после этого другим человеком, пройдет своеобразную «негативную инициацию», пусть даже получит в результате этого много утилитарных благ.

Модель Лефевра включает еще несколько допущений. Во-первых, рассматривается выбор между двумя полярными альтернативами, олицетворяющими для субъекта добро и зло. Во-вторых, субъекту приписываются потенциально неограниченные интенции (возможные намерения что-то совершить), которые не всегда воплощаются в реальном действии. Определенные условия опосредуют трансформацию части интенций в практическую готовность совершить соответствующее действие. В-третьих, субъект способен к осознанию.

Эти условия Лефевр описывает на языке булевой алгебры с помощью формулы $A_1 = f(a_1, a_2, W)$ (*там же*, с. 189).

Переменная A_1 отражает готовность субъекта выбрать добро или зло. Переменная a_1 представляет настоящее и принимает значение 1, если мир склоняет субъекта к позитивному выбору, и 0, если к негативному. Переменная a_2 представляет прошлое – обобщенный опыт, говорящий субъекту, что мир был для него позитивен (1) или негативен (0). Переменная W представляет будущее – веру субъекта в то, что мир будет позитивен (1) или негативен (0).

В более позднем варианте модели свободного выбора В.А. Лефевр дает несколько иную трактовку той же формулы: $X_1 = f(x_1, x_2, x_3)$ (*Лефевр, 2003б*, с. 167).

Трактовка переменных X_1 и x_1 существенно не отличается от трактовки переменных A_1 и a_1 в первой версии формулы. Переменная x_2 трактуется как представления субъекта о характере давления мира: считает ли он, что мир толкает его к добру (1) или к злу (0). Наконец,

переменная x_3 описывает интенцию субъекта, его добрые или злые намерения, которые, как известно, далеко не всегда воплощаются в соответствующие им поступки. Лефевр предполагает, что существует хотя бы один вариант значений переменных x_1 и x_2 , при котором $X_1 = x_3$, то есть любая интенция субъекта автоматически превращается в его готовность. Уравнения булевой алгебры позволяют найти такое решение: это условие выполняется при $x_1 = 0$ и $x_2 = 0$; то есть если мир склоняет субъекта выбирать негативный полюс и субъект знает об этом, тогда его выбор будет свободным. Парадоксальным образом свобода выбора может реализовываться таким образом лишь в условиях осознанного противостояния негативному давлению мира; позитивное давление мира не оставляет пространства для свободного выбора. В более ранней и несколько менее строгой формулировке Лефевр выражает это так: «Мир способен заставить любого человека не поддаться искушению. Однако если мир сам есть источник искушения, человек может противостоять ему лишь при условии, что самая мысль, что он поддается искушению, ужасает его» (Лефевр, 2003а, с. 3). Дальнейший анализ показывает логическую несовместимость свободы выбора с утилитарной полезностью (Лефевр, 2003б, с. 182). Логические формулы В.А. Лефевра ставят серьезные вопросы перед психологическими исследованиями, показывая ограниченность когнитивных моделей выбора и приводя к пониманию принципиально неадаптивной, надутилитарной природы человеческой субъектности, которая нигде не проявляется так, как в выборе. «Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного должна содержать в себе вызов, отвечая на который индивид производит (или как мы предпочли говорить выше – полагает) себя как субъект. Мы, таким образом, приходим к принципу активной неадаптивности. Защищая себя как субъект, индивид стремится предрешить непредрешенное – действует наперекор обстоятельствам, на свой страх и риск ставя перед собой цель выявить свое скрытое под спудом других побуждений качество субъектности как таковой – быть причиной себя (“*causa sui*”»)» (Петровский, 2010, с. 501).

Строгий подход В. Лефевра на языке математической логики показывает не только то, что свободный выбор возможен, но и то, что он возможен лишь при определенных условиях, причем эти условия определяются не оптимизацией принятия решения, а соотношением силовых линий, исходящих из интенций субъекта и из влияний на него окружающих обстоятельств. Таким образом, решающими для определения возможности самодетерминируемого выбора являются не когнитивные контексты, а экзистенциальные.

1.2. Теоретические подходы к выбору в психологии

1.2.1. Выбор как принятие рационального решения

Довольно часто в качестве синонима понятия выбора используется понятие «принятие решения» (ПР). При этом нет ясности в том, является ли принятие решения частным процессом в структуре выбора, или, напротив, выбор есть частный процесс в структуре решения, или же это вообще одно и то же, рассматриваемое под разными углами зрения.

Г.М. Шварц определяет ПР как «сознательный процесс, предполагающий предварительное четкое осознание цели, структурирование исходной проблемной ситуации, проработку различных вариантов выбора наилучшей альтернативы и использование определенных для этого методов» (*Шварц Г.М.*, 1997, с. 37).

По определению Т.В. Корниловой, ПР – это «реализация субъектом интеллектуально-личностных усилий, посредством которых происходит снижение уровня неопределенности ситуации» (*Корнилова*, 2003, с. 6). Собственно о выборе же как ПР, согласно автору, «следует говорить в тех случаях, когда человек сохраняет достаточную степень произвольности не только в оценивании альтернатив (или множественных исходов), но и в *самоопределении*, в том числе и относительно своих личностных ценностей» (*Корнилова, Чумакова, Корнилов, Новикова*, 2010, с. 12).

К исследованиям данного вида выбора относятся различные непсихологические и психологические – преимущественно западные – теории принятия решений второй половины XX в. Проблематика выбора как ПР (см.: *Козелецкий*, 1979; *Ларичев*, 1979) касается сознательного предпочтения одной альтернативы из некоторого ограниченного набора возможных направленных действий.

Основные отличия непсихологических (или нормативных) теорий ПР от психологических заключаются в использовании представлений о субъекте как о некоем «лице, принимающем решения» (ЛПР), «решающей системе», реализующей нормативные стратегии (*Корнилова*, 2003). К данному типу теорий относятся формализованные модели ПР в когнитивной психологии (в частности, немецкого психолога Д. Дернера (1997), также переинтерпретация Г. Гигеренцером «теории проспектов» А. Тверского и Д. Канемана), в психофизических подходах, теории игр, теории экономического поведения (в том числе теория Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, основанная на модели ожидаемой полезности Д. Бернулли и П. Лапласа), теории статистических решений, а также подходы, развивающиеся в русле исследований искусственного интеллекта (так называемые системы поддержки ПР). Поскольку активность субъекта, индивидуально-личностные, мотивационные детерминанты принятия решений в исследованиях данного типа выносятся за скобки, процессуальным характеристикам выбора (его смысловой нагруженности, эмоциональному отношению к нему личности, степени самостоятельности, добросовестности его совершения и т. д.) не придается самостоятельного значения.

К психологическим теориям принятия решений следует отнести подход Ю. Козелецкого, классифицирующего ПР по типу решаемых субъектом задач, исследование видов принятия управленческих решений (В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, А.В. Карпов) и групповых решений (Х.А. Саймон, Дж. Мейстер, УДж. Кор), исследование способности человека к решению задач и принятию решения Г.Н. Солнцевой (1985), а также ряд психологических теорий, рассматривающих принятие решений не как самостоятельное явление, но в контексте регуляции других психологических процессов (например: *Paterson, Neufeld*, 1995). Здесь можно выделить психофизиологическую модель Е.Н. Соколова, теорию регуляции поведенческого акта по П.К. Ано-

хину, исследования нарушений ПР при различных локальных поражениях мозга А.Р. Лурией и Е.Д. Хомской, подход У Джеймса, рассматривавшего проблему выбора как проблему селективности сознания, а также подходы К. Левина, Дж. Аткинсона, Э. Толмена и ряда других исследователей необихевиористского и когнитивного направлений. Исследованием принятия решений в контексте психологии установок занимался Д.Н. Узнадзе. В рамках проблемы целеобразования вопросов интеллектуального опосредствования выбора и принятия решений касался О.К. Тихомиров (1977). Он выделил девять механизмов целеобразования и считал принятие решений результатом процесса формирования окончательной цели. Общим для этих теорий является то, что, собственно, и позволяет назвать их психологическими: признание важности роли лица, принимающего решения, и его влияния на конструирование критериев, на основании которых ПР совершается, хотя, безусловно, значение мотивационных и индивидуально-личностных детерминант этого процесса в данных теориях понимается различно.

В непсихологических и психологических теориях ПР само принятие решения рассматривается в качестве одной из фаз довольно сложного когнитивного процесса, в качестве условия, определяющего тот или иной исход ситуации в зависимости от степени и оправданности риска. Факт осознания и признания допустимости субъектом других альтернатив дает основание считать этот процесс произвольным. ПР исследуется как один из аспектов мышления; отдельно выделяется область принятия интеллектуальных решений, в которой постулируется требование «соответствия интеллектуального и личностного потенциала человека уровню решаемых им жизненных и профессиональных задач» (Корнилова, 2003, с. 6) и констатируется множественность механизмов ПР.

Современными аналитиками изучаются процессы ПР в области финансов (financial decision-making) (Carr, Steele, 2010). Специальными психологами и специалистами смежных областей активно исследуется проблематика группового принятия решений (group decision-making, collective decision-making) (см., например: Arrow, 1951; Hannelьбаум, Поспелов, 1981; Филиппов, 1981; Rojer, 1999; Hoptrow, Hulbert, 2005; Nijstad, 2008), поведенческого принятия решений (behavioral decision-making) (см., в частности: Sirakaya, Sheppard, McLellan, 1997), ПР в сфере образования и карьеры (career decision-making, teacher decision-making) (Bauch, Goldring, 1996; Brown, 2000; Wei-Cheng, 2001; Germeijs, Verschueren, 2006; Hirschi, Lage, 2007; Paivandy, Bullock, Reardon, Kelly, 2008; Saka, Gati, Kelly, 2008). Проводится значительное количество исследований ПР в области здоровья (patient decision-making, health-care decision-making, shared decision-making) (Whitney, 2003; Wilkins, Lowery, Copeland et al., 2006; Horton-Deutsch, Twigg, Evans, 2007; Botti, Orfali, Iyengar, 2009), а также решений, принимаемых врачами (clinical decisionmaking, medical decision-making) (Dolan, 1989; Brophy, Joseph, Theroux, 1999; Roswarski, Murray, 2006; Fraenkel, McGraw, 2007; McCaffery, Irwig, Bossuyt, 2007; Prunty, Sharpe, Butow, Fulcher, 2008; Whitney, Holmes-Rovner, Brody et al., 2008; Solberg, Asche, Sepucha et al., 2010). Некоторые исследователи фокусируют внимание на принятии этических решений (Greipp, 1996).

Теории принятия решений широко применяются в административной сфере, они направлены на оптимизацию и рационализацию управленческой и менеджерской деятельности. Подходы к изучению процессов выбора в русле данного подхода сводятся к неспецифической диагностике познавательных процессов мышления, суждения и планирования. Наряду с понятием «принятие решений» рядом когнитивных психологов используется понятие «решение проблем». Оно относится к психологии решения мыслительных задач и включает в себя выбор в качестве одного из компонентов наряду с практическими приемами активизации творческого поиска и развития мышления, а также методами обучения навыкам постановки и разрешения проблемных ситуаций (Спиридонов, 2006). В частности, Ю. Козелецкий (1979) в книге «Психологическая теория решений», делая обзор и сравнение психологических и непсихологических подходов к принятию решений, описывает два вида встающих перед субъек-

том задач: открытые задачи (характеризующие мышление в условиях «решения проблем») и закрытые задачи (в ситуации заданности системы альтернатив и неопределенности критериев их сравнения).

По Ю. Козелецкому, деятельность по принятию решений реализуется в четыре этапа: создание субъективного представления о задаче; оценка последствий альтернатив; прогнозирование условий, влияющих на эти последствия; выбор из альтернатив. Причем выбор альтернативы опирается на субъективное представление, которое может быть вероятностным, детерминистическим или эвристическим.

Интересна эволюция взглядов Ю. Козелецкого: от «Психологической теории решений» (1979), с сугубо прагматическим подходом к процессу выбора, к «Человеку многомерному» (1991), где описываются мотивационно и личностно опосредствованные процессы выбора и принятия решений. В последней работе он вводит конструкт «кривая свободы» (*там же*, с. 177), которая описывает континуум выборов (от недостатка свободы до ее избытка) и позволяет выделить оптимальный уровень свободы для различных людей. Там же он выделяет два типа людей: с «охранительной» и с трансгрессивной ориентацией (*там же*, с. 181): первые стремятся сохранить status quo, вторые же самотрансцендируются и стремятся к новым достижениям.

В рамках теории принятия решений и теории управления О.И. Ларичев выделяет необходимые структурные элементы процесса ПР:

- проблема, требующая разрешения;
- человек, принимающий решение;
- альтернативы, из которых осуществляется выбор (*Ларичев, 1979*).

Стоит отметить, что в теориях принятия решений лицом, их принимающим, может быть не только человек, но и система, так как главным оказывается система правил, которые реализуются при принятии решения. Основной функцией выбора как принятия решений в этом случае является оптимизация процесса реализации деятельности по предпочтению одной из альтернатив из набора возможных.

Участники первого советско-американского семинара по проблемам принятия решений (см.: *Нормативные и дескриптивные модели...*, 1981) предложили рассматривать нормативные и дескриптивные модели ПР. При этом нормативная модель, «функционирование которой в точности соответствует требованиям инструкции, заданной испытуемому, и тем объективным условиям, которые определяются ситуацией» (*Крылов, 1981, с. 39–40*), признавалась ими далекой от реальных процессов принятия решений, что потребовало рассмотрения описательной, дескриптивной модели ПР.

Одной из классификаций типов принятия решения, опирающейся на особенности ситуации, является классификация В.Н. Дружинина (см.: *Проблемы принятия решений, 1976*), который выделяет информационные, оперативные и организационные решения в зависимости от специфики задач, которые эти решения и обслуживают. Также существуют классификации типов выбора и принятия решения в зависимости от предметной или профессиональной области (*Карпов, 1998*).

А. Тверски (*Tversky, 1969, 1972a, b; Тверски, Самтан, 1981*) предлагает определенную стратегию ПР, при которой строится дерево предпочтений для иерархического принятия решений и невыбранные альтернативы исключаются из рассмотрения, то есть происходит их элиминация. В рамках предложенной А. Тверским и Д. Канеманом (*Tversky, Kahneman, 1973; Kahneman, Tversky, 1979; Канеман, Тверски, 2003; Канеман, Словек, Тверски, 2005*) когнитивной теории «проспектов» были сконструированы вербальные задачи для эмпирического изучения принятия решений. Данными исследователями на материале вербальных задач изучался механизм вынесения вероятностных решений испытуемыми, степень их уверенности в правильном решении задач различной сложности. Задачи состояли из краткой характеристики

какого-либо выдуманного персонажа, описания его возраста, если требовалось, внешности, социального положения, привычек и т. п. Испытуемые должны были выбрать (на основании впечатления о персонаже, составленного при ознакомлении с его характеристикой) один из двух либо трех предложенных на выбор признаков, который, на их взгляд, с большей вероятностью относился к данному герою. Оказалось, что при таком выборе на основе умозаключений действовали так называемые эвристические принципы ПР (в частности, принцип репрезентативности) (см.: *Корнилова, 2003*). Данная методика является хорошим диагностическим средством для определения критичности как личностного свойства, влияющего на совершение субъектом выбора при заданных альтернативах.

Рассматривая априорные и реальные стратегии ПР с позиций инженерной психологии, В.Ф. Венда под стратегией принятия решений понимает «проявление определенной устойчивой тенденции (регулярности) при выборе способов оценки состояния реального объекта и принятия решения» (*Венда, 1981, с. 175*).

Некоторые исследователи (*Козелецкий, 1979; Канеман, Тверски, 2003; Савина, Ванг, 2003*) утверждают, что рациональный, «правильный» (приближающийся к идеалу рационально принятого решения) выбор должен ориентироваться на следующие принципы:

- принцип последовательности (связность, транзитивность и упорядоченность альтернатив, позволяющие оптимально выбирать лучшую из них);
- принцип максимизации (максимизация целевой функции выбираемой альтернативы);
- принцип инвариантности (равноценность альтернатив и их устойчивость во времени).

Несколько иной аспект рациональности рассматривается в теории «ограниченной рациональности» (*Simon, 1954; Саймон, 1993*). В рамках этого подхода выбор рассматривается как интеллектуально опосредствованный процесс, предполагающий соответствие некоторому мыслительному плану. Таким образом, главным в этом подходе оказывается не столько «оптимальность» стратегии выбора, сколько ее разумность и адекватность психологическим запросам человека.

Рациональность ПР находится в центре внимания В.И. Моросановой и ее научной группы, занимающейся исследованиями саморегуляции (*Моросанова, Индина, 2011*). Рациональность здесь понимается не как логический анализ и математический просчет альтернатив, а скорее как осознанность и обдуманность выбора (хотя на основании проведенных исследований автор и отмечает, что рациональность как стилевая характеристика саморегуляции при ПР связана с высоким уровнем интеллекта, логичностью и рассудительностью). Рациональность автор определяет как «регуляторную характеристику ПР, проявляющуюся в осознанном сравнении субъектом альтернатив решения с учетом своих целей, в поиске необходимой информации для анализа значимых внешних и внутренних условий ПР, в продуманности способов и средств реализации, в осознанной оценке результатов и последствий принимаемого решения» (*там же, с. 64*). В.И. Моросанова замечает, что рациональность можно рассматривать не только ситуативно, применительно к конкретному решению, но и в контексте проявлений сложившегося у человека субъектного или регуляторно-личностного качества. Автор подчеркивает, что «свойства рациональности и эмоциональности <.. > являются противоположными характеристиками процесса ПР, определяющими различные стили и способы принятия решений субъектами» (*там же, с. 119*), замечая при этом, что для отнесения того или иного выбора (и выбирающего) к «рациональному» или «эмоциональному» типу решающее значение имеет именно характер аргументации, используемые в процессе ПР критерии, а не выбранная альтернатива как таковая. Разрабатывая регуляторно-личностную типологию субъектов ПР, автор замечает, что связь между свойствами рациональности и эмоциональности не является односторонней и дихотомической, скорее она представляет собой разноуровневую взаимосвязь. Эмоциональность может быть выраженной при различном уровне сформированности основ-

ных регуляторных навыков, хоть в целом развитость системы осознанной саморегуляции у «рациональных» субъектов значительно выше, нежели у «эмоциональных».

В то же время некоторые исследователи (*Козелецкий, 1979; Ларичев, 1979*) отмечают ряд особенностей принятия решения, создающих некоторые препятствия осуществлению выбора по оптимальному пути. Это такие черты, как уникальность ситуации выбора, наличие совокупности разнородных факторов, сложный характер альтернатив, недостаточная определенность последствий, нехватка информации, наличие ответственного лица, принимающего решения (ЛПР), субъективная оценка вероятности тех или иных исходов и последствий, пристрастность ЛПР в оценке полезности этих исходов и последствий. Важным параметром выбора в ситуации принятия решений являются фактор неопределенности и способность человека справиться с ней, преодолевая ее и отдавая предпочтение одной альтернативе из ряда возможных.

Как видно из приведенного обзора, теории ПР охватывают лишь часть аспектов выбора, практически не касаясь его феноменологии и процессуальных особенностей; индивидуально-личностные характеристики выбирающего субъекта либо вовсе не включаются в анализ, как в ряде непсихологических теорий ПР, либо понимаются очень узко: учитываются исключительно (или преимущественно) интеллектуальные ориентиры личности. В данных теориях выбор выступает как механистический, жестко запрограммированный акт, один из элементов системы принятия решений, имеющий своей целью нахождение оптимального решения задачи на основании известного алгоритма при заданных альтернативах действия. Важным следствием подобного подхода является то, что в теориях ПР усложнение ситуации выбора рассматривается именно в контексте усложнения его операциональной структуры, а не повышения требований, предъявляемых к субъекту выбора как к личности. Различие в позициях авторов можно проиллюстрировать на примере сравнения взглядов О.К. Тихомирова (1984), классифицирующего выбор по опосредствующему психологическому процессу и признающего существование разномодальных процессов, стоящих за выборами, а также важную роль мыслительной активности человека в этом процессе, и автора метаимплицитивной модели экзистенциального выбора В.А. Петровского (2002). Тихомиров рассматривает выбор одного из противоречивых требований как этап целеобразования, правда, отмечая при этом, что эти несовместимые цели могут быть различны: «В простейшем случае это могут быть противоречивые указания при выполнении элементарных предметных действий, в более сложных – столкновение различных нравственных принципов» (*Тихомиров, 1984, с. 113*). Петровский же, описывая экзистенциальный выбор, понимает его как «выбор, осуществляемый “всем существом”, – выбор этот, как правило, нельзя свести к проявлениям активности какой-то одной части личности; перед нами эффект *сводного* выбора личности как “единомножия субъектов”» (*Петровский, 2002, с. 102*).

Теории принятия решений неоднократно критиковались за редукционизм, однозначность и предзаданность результата выбора. «Подчиняя действия человека логическому автоматизму, стратегия “принятия решений” отбрасывает невыбранные альтернативы, приводит к сужению их спектра (которое не всегда компенсируется внешним их расширением), следовательно, делает каждый следующий шаг внутренне все более вынужденным, автоматическим, все менее рациональным и успешным в новых условиях» (*Наумова, 1983, с. 199*). Структура принятия решений не дает представления о психологических механизмах осуществления выбора. Последователи этих теорий сами отмечают, что люди не всегда следуют принципам рационального выбора (*Tversky, Kahneman, 1973; Канеман, Тверски, 2003*) и что принятие решения зависит не только от оптимальных условий и рационального «взвешивания» альтернатив, но и от социального контекста ситуации (*Савина, Ванг, 2003*), то есть не существует всеобщих рациональных механизмов принятия решений.

1.2.2. Выбор как проявление личности

Одним из первых к выбору как характеристике (точнее, системе характеристик) личности обратился А.Ф. Лазурский в своем «Очерке науки о характерах», вышедшем в 1909 г. (Лазурский, 1995).

Проблемы воли и выбора у Лазурского занимали важное место во многих его работах, начиная с ранней популярной брошюры о развитии воли и характера у детей. Многие его наблюдения сохраняют свою значимость и сейчас. Общая структура сознательного волевого процесса, по Лазурскому, включает в себя следующие компоненты: «Желания или влечения, более или менее сознательные, которые в случае отсутствия других, противоположных, влечений могут непосредственно вызвать соответствующие действия, появление других, противоположных первому, желаний (или мотивов) и борьба между ними; вытеснение одним каким-нибудь мотивом всех остальных и принятие определенного решения; напряжение волевого усилия, направленное на то, чтобы поддержать раз принятое решение и подавить стремление, ему противоречащее; обсуждение принятого решения, то есть выяснение его деталей и способов его осуществления; наконец, ряд произвольных действий, внешних или внутренних, направленных на выполнение принятого решения» (там же, с. 188). В этом процессе участвуют следующие наклонности: сила или слабость желаний и влечений; наклонность к борьбе мотивов (следует ли человек своим импульсам без борьбы или он взвешивает и принимает решения), быстрота выбора (продолжительность колебаний), способность или неспособность к принятию решений вообще (решительность или нерешительность), устойчивость решений (постоянство или непостоянство), ясность и определенность желаний и решений; степень развития руководящих идей и стремлений (идеологических, религиозных, социальных, этических и т. д.); способность к внутренней (психической) задержке; способность к физической (психомоторной) задержке; способность к положительному волевому усилию; продолжительность волевого усилия (настойчивость); чувство собственной личности (произвольность душевных процессов); степень сопротивляемости внешним влияниям (самостоятельность как противоположность внушаемости); наклонность к обсуждению мотивов (обдуманность поступков). Лазурский дает каждому из этих душевных качеств, относящихся к волевым процессам, подробное описание; эти описания отнюдь не утратили еще своей научной значимости.

На протяжении XX в. вопросы выбора регулярно затрагивали разные авторы, занимавшиеся вопросами общей теории личности и ее развития.

А. Маслоу рассматривал жизнь как процесс последовательных выборов, в каждом из которых есть «регрессивный» и «прогрессивный» пути (Маслоу, 1999, с. 52). Первый путь ведет к защите, безопасности, страху, второй же путь ведет к личностному росту и самоактуализации. Эта идея в дальнейшем будет подхвачена С. Мадди в отношении конформистского и индивидуалистского типа развития. А. Маслоу говорил также о разном качестве выбора (там же, с. 15). Для него путь к «хорошему» выбору лежит через этические и ценностные решения, позволяющие человеку жить хорошей, полной, своей собственной жизнью.

В рамках теории личностных конструктов Дж. Келли ввел понятие «продуманный выбор» (Kelly, 1955, р. 64–68), которое объединяло в себе две стратегии предпочтения того или иного полюса конструкта – консервативную и смелую. В первой стратегии выбор полюса конструкта приводит к закреплению уверенности и status quo, а во второй стратегии выбор ведет к расширению понимания.

Рассматривая деятельность выбора, Б.Ф. Поршнев основной функцией выбора считал то, что выбор составляет основу личности. Он отмечал, что «живая конкретная личность нашего времени произвела за время своего индивидуального развития несчетное количество выборов, она как бы несет их в себе, и чем больше их было, тем более она представляется именно

личностью» (Поршнев, 1969, с. 345). В основе выбора Поршнев видел не существование двух различных возможностей, а существование как минимум двух взаимоисключающих тенденций, образующих состояние «диспластии», при котором человек как бы раздваивается, то есть существует в пассивно-уравновешенном этими тенденциями состоянии. Выбор же, по его мнению, разрушает это состояние диспластии, позволяя проявиться одной из тенденций.

Проблематика личностного выбора затрагивалась Б.С. Братусем (1981, 1985, 1988) в контексте творчества и смыслостроительства. Он отмечал недетерминированный характер выбора, то есть подчеркивал, что каждый выбор человека «не определен самой ситуацией, не является причинно обусловленным (даже если это так кажется самому субъекту). Он есть акт творческий, целетворящий...» (Братусь, 1988, с. 33). Личностный выбор, поступок позволяют личности утвердить себя посредством определения жизненной позиции на основе личностных ценностей.

Говоря о функции личностного выбора в «конструировании миров», А.Г. Асмолов (2001, 2002) выделяет такие его черты, как: «Неопределенность исхода, риск, субъективное ощущение принадлежности совершаемого только самому себе, оценка последствий принятого решения в свете тех мотивов, ради которых живешь, непредсказуемость для самого себя» (Асмолов, 2001, с. 393). Он рассматривал проблему личностного выбора в контексте творческого преобразования ситуации неопределенности и необходимости преодоления внешних и внутренних преград для саморазвития личности.

Ф.Е. Василюк разрабатывает представление о так называемых жизненных мирах (то есть мирах живого существа) и описывает их внешний и внутренний аспекты, отражающие степень легкости/ трудности немедленного и полного удовлетворения возникшей потребности и степень простоты/сложности потребностей существа соответственно (Василюк, 1984, 1997). Эти категории лежат в основе выделения четырех типов жизненных миров: инфантильный (внутренне простой и внешне легкий), реалистический (внутренне простой и внешне трудный), ценностный (внутренне сложный и внешне легкий) и творческий (внутренне сложный и внешне трудный). В условиях односоставности, внутренней простоты жизни, наличия у субъекта одной-единственной потребности (жизненного отношения) или ряда неперекрещивающихся жизненных отношений выбор как предпочтение одной из имеющихся альтернатив в принципе невозможен. В условиях постоянно возникающих внешних затруднений выбор также не может осуществляться на основе лишь принципиального сравнения альтернатив. Настоящий, подлинный выбор, по Василюку, возможен лишь в ценностном мире: поскольку препятствий для выполнения намерений субъекта со стороны внешнего мира не возникает, конфликтующие между собой жизненные отношения сопоставляются сами по себе. Их разветвленная система представляет собой мотивационно-смысловое ядро личности. Основой для выбора служит ценность, надситуативная, устойчивая, общечеловеческая, но при этом персонологичная инстанция, выполняющая смыслообразующую и смыслоразличающую функции и подверженная произвольным изменениям со стороны субъекта. Во внешне легком мире любая актуализировавшаяся у субъекта выбора потребность воплощается мгновенно, окончательно и в полной мере, и в этой необратимости, бесповоротности выражается его трагичность. Этапами ценностного выбора являются отвлечение от трудности мира при одновременном удержании его сложности, актуализация глубинных ценностей, оценка альтернатив, решение и, последний этап, жертва, с необходимостью входящая в состав выбора и связанная с осознанием необратимости и экзистенциальной ценности сделанного выбора (эти этапы одновременно представляют собой шаги психотехнической работы над «чистой культурой выбора», предлагаемой Ф.Е. Василюком, – см. более подробное описание в разделе 3.3.6).

Опираясь на концепцию жизненных миров, Ф.Е. Василюк определяет выбор как «действие субъекта, которым он отдает предпочтение одной альтернативе перед другой (другими) на определенном основании» (Василюк, 1997, с. 287). При этом «личностный выбор по сути

парадоксален и потому до конца не рационализируем. Он необратим и трагичен» (*там же*, с. 293). Парадоксальность выбора состоит в том, что приходится сравнивать практически несравнимое; трагичность – в том, что в жертву выбираемому приносится отвержение не менее существенного для человека; необратимость выбора обусловлена естественным течением человеческой жизни. Ф.Е. Василюк предлагает гипотетически обратиться к подлинному выбору, то есть «чистой культуре выбора». «Это лишенный достаточного рационального основания, рискованный, не вытекающий из прошлого и настоящего акт, действие, не имеющее точки опоры» (*Василюк*, 1984, с. 121–122). Василюк размещает его в «ценностном» (то есть внутренне сложном и внешне легком), по его определению, жизненном мире и предоставляет психотехнику для приближения реального жизненного выбора к подлинному с опорой на предложенную им операциональную структуру выбора. Это, конечно, предельный случай. В реальной ситуации аргументы в пользу той или иной альтернативы всегда присутствуют. «Но выбор тем более приближается к своей сущности, чем меньше человек перекладывает груз ответственности за него на все эти перечисленные “подсказки” или уже готовые решения» (*там же*, с. 122).

В структуре осуществления личностного выбора как такового Ф.Е. Василюк выделяет следующие компоненты: субъект выбора, альтернативы и основания. Он перечисляет следующие характеристики, или необходимые условия, личностного выбора:

- выбор возможен лишь во внутренне сложном мире;
- альтернативы должны рассматриваться как разные жизненные отношения;
- жизненные отношения должны быть представлены в виде мотивационно-смыслового ядра;
- субъект, осуществляющий выбор, должен быть активен;
- ценность должна быть единственным основанием личностного выбора.

Ф.Е. Василюк предлагает говорить о «качестве выбора» (*Василюк*, 1997), описывая его условно «плохие» и «хорошие» формы. В первом случае субъект «не совершает волевой личностный акт выбора» (*там же*, с. 289–290), рассматривает лишь поверхностные альтернативы и видит лишь ситуативные основания для выбора. В случае «хорошего», «качественного» выбора субъект активно относится к выбору, ярче и богаче видит альтернативные смыслы и опирается на более глубокие ценностные основания. Каждый сделанный человеком подлинный выбор отражается на его судьбе, так как «не столько личность делает выбор, сколько выбор делает личность» (*там же*, с. 298). При воплощении личностного выбора в жизнь требуется «акт мужества и риска принятия на себя ответственности» (*там же*).

Василюк подчеркивает важное значение разработанной им теории для психотерапевтической, тренинговой и консультативной работы (см. также раздел 3.3.6).

О свободном личностном, или экзистенциальном, выборе в контексте концепции универсализации в рамках мультисубъектной теории личности говорил В.А. Петровский (1992, 1993, 1996, 2002). Им предложен принцип надситуативной активности (*Петровский*, 1977) и разработана импульсная модель (на основе им же ранее предложенной трансактной модели рефлексивного выбора) экзистенциального выбора личности, которую он рассматривал как «единомножие субъектов» (*Петровский*, 1992). Экзистенциальный выбор в ситуации неопределенности осуществляется целостной личностью, а не отдельной ее частью. Импульсами в данной модели выступают «запросы» от той или иной субличности (Родитель, Взрослый, Ребенок) в некоторый период времени. Автор выделяет наставительные, разумные и фантазийные импульсы соответственно.

Согласно введенному В.А. Петровским принципу неадаптивности, человек должен взять на себя личную ответственность за осуществление действий с неизвестным исходом и «быть субъектом избрания целей, результат достижения которых непредреши» (*Петровский*, 1997, с. 131–132). Выделены четыре момента «самополагания индивида как субъекта возможного выхода за пределы его исходных форм устремленности» (*там же*, с. 133): непредрешиность

исходов предстоящего опыта, влечение к этому опыту, воплощение этого в проявлении активности, рефлексия.

Как и некоторые другие авторы, В.А. Петровский отграничивает личностный (экзистенциальный) выбор от повседневных выборов, наделяя его «свободой, ответственностью, непредрежденностью своих исходов» (2002, с. 95). В ситуации личностного выбора «личность, осуществляющая выбор, полагается на свою интуицию и веру в себя, действует вопреки сложившимся стандартам и убеждениям, исходит из интенций собственного разумного “Я”» (*там же*, с. 101), выбирает себя в каждой из предлагаемых ей жизнью ситуаций выбора. Для В.А. Петровского именно свободное принятие на себя ответственности лежит в основе становления личности как субъекта активности и «может быть описано как свободный выбор ответственности или как ответственный выбор свободы» (*Петровский*, 1996, с. 94).

1.2.3. Выбор как экзистенциальное самоопределение

Экзистенциальная традиция понимания выбора отличается большой проработанностью. В ней выбор выступает как свободный и не predetermined ничем, кроме решения самого субъекта, даже его мотивами и личностными свойствами. Среди виднейших психологов экзистенциального направления, рассматривающих проблему выбора в своих работах, можно назвать Эриха Фромма, Виктора Франкла, Ролло Мэя, Сальваторе Мадди и др. Преемственность от философов-экзистенциалистов (С. Кьеркегор, А. Бергсон, К.Т. Ясперс, М. Хайдеггер, Н. Аббаньяно, Ж.-П. Сартр, М. де Унамуно и др.) отчетливо прослеживается во взглядах авторов на выбор как проявление фундаментальной человеческой свободы и в то же время – мужества, а также реализацию смыслов и ценностей субъекта. Исключительное внимание уделяется активности личности, ее самоопределению и изменению вследствие совершения акта выбора. Отталкиваясь от понимания выбора как процесса, наиболее существенным компонентом которого является экзистенциальный акт принятия на себя ответственности за последствия решения, авторы придают значение тому, насколько рефлексивно, ответственно, обдуманно, осмысленно или, напротив, спонтанно и импульсивно совершается выбор – безотносительно его конкретного результата; происходят ли его принятие, осознание и авторизация.

Под выбором в данных подходах понимается не единичное явление, а скорее совокупность жизненных выборов, составляющих индивидуальную стратегию поведения в ситуациях неопределенности. В результате этого конкретный выбор может уже выступать закономерным следствием принятого жизненного стиля. Воспользовавшись определением Г. Иванченко, подобные жизненные стратегии можно обозначить как «обобщенные способы разрешения жизненных ситуаций и выбора значимых альтернатив» (*Иванченко*, 2005).

Как проявление свободы рассматривал выбор Э. Фромм (1990, 1992). Он описывал две формы свободы – негативную («свобода от») и позитивную («свобода для»). Последняя для него была главным условием роста и развития личности человека. Будучи «обречен» на выбор, человек в ходе ежедневных выборов разного масштаба решает вопрос о степени своей свободы, либо принимая ее, либо отказываясь от нее. Свобода, в понимании Фромма, является освобождением человеком самого себя в процессе принятия решения, в процессе выбора. По Э. Фромму, результат выбора зависит от степени осмысления и осознания всех аспектов ситуации выбора.

По В. Франклу (1990, 2001), человек свободен в своем выборе, даже если есть объективные ограничения на проявления этой свободы. Человек не может уйти от выбора среди огромного количества предоставляемых ему жизнью возможностей; «...он может только делать вид, будто не имеет свободы выбора и принятия решений» (*Франкл*, 2001, с. 77). Свобода выбора человека проявляется в возможности его различного отношения к объективным ограничениям

(типа влечений, наследственности, социальных ситуаций), что обеспечивается способностью человека к самодистанцированию и самотрансценденции.

И. Ялом (1999, 2001, 2002) характеризовал личностный выбор (хотя он сам пользовался термином «решение») через понятия отречения (от отвергнутых альтернатив), тревоги (через принятие личной ответственности за последствия выбора) и вины (за неосуществленные возможности). Как нам кажется, характеристика отречения достаточно близка осознанию необходимости жертвы, по Ф.Е. Василюку (1997), когда отвергаются не менее значимые альтернативы и эту жертву нужно научиться принимать. Возникновение так называемой экзистенциальной вины перед отвергнутыми альтернативами, неосуществленными возможностями способствует обращению к тем альтернативам, которые были отвергнуты, чтобы реализовать их в других контекстах. Об этом упоминает и Дж. Бьюдженталь (2001). Таким образом, по И. Ялому, личностный выбор совершается через отречение от альтернативных возможностей и сопровождается тревогой как свидетельством личной ответственности и экзистенциальной виной как надеждой на осуществление отвергнутых альтернатив.

На свободу выбора указывает и Р. Мэй (*May*, 1953, 1967, 1981), определяя ее как способность управлять своим развитием, осуществляя постоянные выборы себя как активного субъекта или как пассивного объекта. Как и у Э. Фромма, свобода выбора у Р. Мэя тесно связана с работой самосознания, осознания происходящих процессов и внутренней рефлексией. По его мнению, свобода проявляется между стимулом и реакцией в паузе, которая разрывает детерминацию и позволяет сделать сознательный и свободный выбор (*May*, 1953). С ростом возможностей самосознания возрастает свобода и увеличивается диапазон выбора.

Американский психолог С. Мадди (*Maddi*, 1970, 1998; *Maddi*, 2005) исходит из положения о том, что человеку от рождения присущи три вида потребностей: биологические (такие как потребности в питании, безопасности и др.), социальные (потребности в контактах, общении) и психологические – специфичные для человека потребности в символизации, воображении и суждении. Именно последние позволяют человеку совершать выбор, обусловленный не только биологическими или социальными требованиями. С. Мадди рассматривает подлинный выбор как шаг, содержание и направленность которого наделяют жизнь уникальным смыслом (*Maddi*, 2005), и выделяет две кардинально различающиеся стратегии выбора человека, являющиеся основой его жизненного стиля: выбор прошлого и выбор будущего.

Если человек не видит причин истолковывать свой опыт как новый, он совершает «выбор в пользу прошлого», не меняя при этом привычный способ (или набор способов) действия. Такой выбор приносит с собой чувство вины, связанное с нереализованными возможностями. Если же человек считает, что полученный им опыт требует нового способа действий, он осуществляет «выбор в пользу будущего». Такой выбор, согласно С. Мадди, всегда приносит с собой чувство тревоги, связанное с неопределенностью, в которую вступает человек. Постоянный выбор прошлого, то есть выбор привычных способов реагирования в проблемных жизненных ситуациях, обусловленный стремлением к комфорту и безопасности, через некоторое время приводит к недостатку у человека информации. Однозначность, определенность его отношений с миром, то есть придание им статуса данностей, не способных к изменению, приводит к снижению когнитивной проницательности, скуке, ведет к жизненному застою, ощущению собственного бессилия, а в конечном итоге – к переживанию экзистенциальной вины, связанной с отказом от осуществления новых возможностей, и жалобам на бессмысленность существования. Жизненный стиль человека в этом случае – конформизм; он становится сильно уязвим перед стрессогенными обстоятельствами и подвержен таким экзистенциальным недугам, как авантюризм (нахождение смысла жизни лишь в экстремальных, сопряженных с большим риском занятиях), нигилизм (утверждение антисмысла через тотальное отрицание и цинизм) и, в самом худшем случае, вегетативность (постоянная апатия, безразличие ко всему происходящему).

Выбор будущего, напротив, стимулирует человека, провоцирует процесс постоянного самообновления, экзистенциального развития, расширения своего представления о мире и лучшего понимания своих взаимоотношений с ним и, как следствие, приводит к формированию жизнестойкости, или экзистенциальной отваги. Жизнестойкость – это ядро личности, «верность человека самому себе и опора на собственные силы в тяжелые моменты» (Мадди, 2005), позволяющая уменьшить онтологическую тревогу, возникающую из-за той непредсказуемости, неизвестности, с которой сталкивается человек, выбирая будущее. Жизнестойкость обеспечивается вовлеченностью человека во все, что происходит вокруг, его влиянием (контролем, борьбой со стрессогенными обстоятельствами, включением их в более широкий жизненный контекст) и вызовом, то есть готовностью постоянно учиться на собственном опыте. Следствием выбора будущего являются формирование аутентичного жизненного стиля, индивидуализм, продуктивное взаимодействие человека с другими людьми, подразумевающее взаимную помощь и поддержку, и забота о собственном здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.